

Н.О.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КУЙБЫШЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДРЕВНОСТИ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Межвузовский сборник

КУЙБЫШЕВ 1985

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТЕХНОЛОГИИ ГОНЧАРСТВА
У НАСЕЛЕНИЯ
АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Обращаясь к вопросу технологии гончарства племен эпохи бронзы Южного Зауралья и Казахстана, исследователи неоднократно подчеркивали специфическую особенность алакульской керамики — наличие отпечатков текстиля на внутренней поверхности сосудов¹. Однако за всю историю изучения алакульских древностей лишь дважды предпринимались попытки реконструкции способа изготовления керамики с применением ткани. О. А. Кривцова-Гракова, описывая керамику Алексеевского поселения на р. Тобол, указывала на присутствие следов оригинального способа формовки сосудов — «на твердой болванке, обтянутой тканью» путем наложения горизонтальных лент². К. В. Сальников считал возможным бытование у алакульцев Южного Зауралья двух способов формообразования глиняной посуды: ленточного и на «полутвердой основе» (в виде мешочков, наполненных песком)³. А. А. Бобринский указывает на отсутствие ясности в вопросе расшифровки и использования «моделей-основ» по их следам на глиняных изделиях⁴.

Из раскопок раннеалакульских (петровских) и собственно алакульских памятников Южного Зауралья и Северного Казахстана происходит около 600 фрагментов и 31 целый реставрированный сосуд с явными следами процесса формовки, из них 450 фрагментов стенок и днищ сосудов имеют на внутренней стороне отпечатки текстиля. 138 фрагментов и 25 целых сосудов, помимо отпечатков ткани, имеют и другие следы процесса формовки.

О. А. Кривцова-Гракова подчеркивала особенности расположения отпечатков текстиля на дне и в нижней части тулова, указывая, что «на дне ткань располагается совершенно нормально: нити основы и утка перпендикулярны друг другу, в

¹ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник.— Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, с. 142; Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль.— МИА № 24, т. 1, 1952, с. 68; Потемкина Т. М. Раскопки у с. Раскатиха на р. Тобол. — В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья, вып. IV. Челябинск, 1969, с. 8.

² Кривцова-Гракова О. А. Указ. раб., с. 142—143.

³ Сальников К. В. Указ. раб., с. 68.

⁴ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы исследования. М., 1978, с. 189.

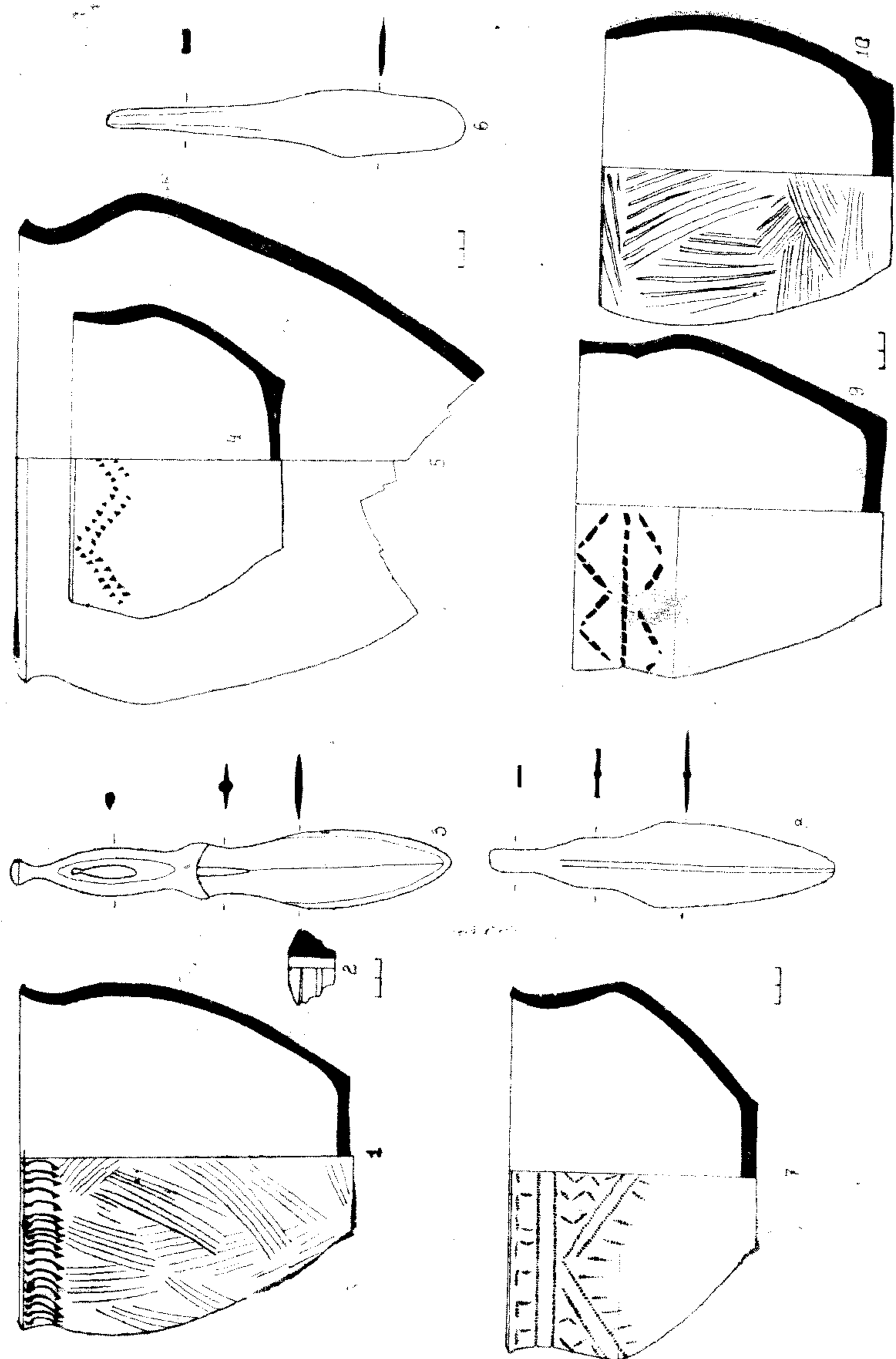

Рис. 6. Вещи из погребений курганного могильника у с. Песочное: 1—3 — курган 7; 4—6 — курган 2; 7—8 — курган 8; 9—10 — курган 3, погребение 1

то время как на тулове ткань сильно вытянута, как будто натянута на что-то твердое»⁵. Наши наблюдения полностью совпадают с заключениями О. А. Кривцовой-Граковой, однако новые материалы позволяют более детально подойти к характеристике алакульских моделей-основ. У значительного количества фрагментов и целых сосудов, помимо оттисков текстиля, нами был отмечен рельефный характер внутренней поверхности, схожий с оттисками различных орнаментальных композиций. Четко различались широкий многорядный зигзаг, параллельные желобки и каннелюры. Внешняя же поверхность этих фрагментов (сосудов) могла быть как гладкой, так и покрытой узорами. В выборе имеется два сосуда, найденные на полу постройки 4 поселения Кулевчи III (рис. 1). На внутренней стороне одного из них имеется рельеф, в деталях повторяющий орнаментальную композицию на внешней поверхности другого сосуда.

Массовое распространение негативных оттисков орнаментальных композиций на внутренней стороне раннеалакульских (петровских) и собственно алакульских сосудов позволило предположить, что в качестве моделей-основ алакульцы использовали уже применяемые в быту сосуды необходимого в каждом конкретном случае объема.

Результаты наблюдений за характером следов процесса разрушения тулова и дна раннеалакульских (петровских) и собственно алакульских сосудов показали, что трещины и разломы по тулову имеют вертикальное или близкое к нему направление. Днища обкалывались точно по краю, без кусков придонных частей. Различия в следах разрушения петровских и собственно алакульских сосудов четко фиксировались в верхней части — при переходе от тулова к плечу. Практически у всех петровских сосудов трещины, разломы по ребру отсутствуют. Примером обратного варианта является сосуд из погребения 2 кургана 13 Алакульского могильника (рис. 2) с отпечатками текстиля на дне и в придонной части. В области уступа данного сосуда отчетливо фиксируется отслоение ленты, оформлявшей шейку. Следы, оставленные здесь пальцами гончара, свидетельствуют о подлепе ленты к внутренней стороне верхнего края заготовки, сформованной на сосуда-основе.

Для выяснения особенностей формовки раннеалакульской и собственно алакульской глиняной посуды на сосудах-основах, покрытых тканью, нами было предпринято физическое моделирование процесса их изготовления (рис. 3). В качестве сосудов-основ были взяты раннеалакульский остросереберный сосуд с усеченно-коническим туловом и собственно алакульский — с уступчатым плечом и слабо раздутым туловом. Было проанализировано несколько вариантов закрепления ткани на сосуда-основе. Установлено, что идентичное прослеженному по архео-

логическим материалам взаиморасположение нитей основы и утка на тулове и дне возможно лишь в том случае, когда концы достаточного по размерам прямоугольного куска ткани фиксируются «крест-на-крест» над устьем сосуда-основы. Закрепив таким образом влажную ткань на сосуде, мы получаем готовую основу для формовки заготовки нового сосуда.

Процесс формовки реконструирован нами следующим образом:

— на перевернутую вверх дном основу укладывался уплотненный комок глины, который равномерно разминался по дну сосуда-основы;

— при помощи кусочков глины, которые присоединялись к уже сформованному днищу нового сосуда, оформлялись стенки;

— стенки выводились до устья сосуда-основы, после чего процесс формовки прекращался.

Заготовка подсыхала на основе в течение нескольких часов. Затем ее снимали с сосуда-основы. На внутренней стороне заготовки вновь сформованного сосуда сквозь ткань отпечатывался орнамент тулова сосуда-основы. Четкость оттисков текстиля и отпечатков орнамента увеличивалась за счет использования при формовке заготовки приема «подбивки» легкими ударами ладони по наружной стороне формируемого сосуда. Форма заготовки в целом соответствует форме тулова сосуда-основы: усеченно-коническая или слабо раздутая. На этой стадии формовки мы получаем сосуд баночного типа. Формовка шейки сосуда с помощью подлепа изнутри верхней ленты (при любой форме тулова) приводила к оформлению перехода от тулова к плечу в виде уступа или уступа-ребра. Оформление перехода от тулова к плечу в виде ребра оказалось возможным лишь при загибании верхней части заготовки внутрь, в результате чего получается **биконический сосуд** (рис. 3). Короткую шейку петровских (раннеалакульских) сосудов формовали непосредственно из верхней части плеча сформованного биконического сосуда либо при помощи овального в сечении жгута глины (рис. 3). Специфические детали оформления шейки: слабо выраженный валик по ее основанию, утолщение-воротничок под венчиком — скорее всего являются следствием обработки сырого сосуда с помощью несложных инструментов, которыми выравнивались шейка и плечо вновь сформованного сосуда.

Экспериментально изготовленные сосуды разрушались по тем же правилам, что и древние.

Днища раннеалакульских и собственно алакульских сосудов, как правило, в центральной части имеют большую толщину, чем по краям. Иногда изнутри, по краю днища, наблюдается кольцевое углубление. Все это — следствие формовки на сосуда-основе. Этот недостаток, безусловно, был известен в древности.

⁵ Кривцова-Гракова О. А. Указ. раб., с. 142.

Его в какой-то степени устраняли путем усиления дна и придонной части слоем глины с внутренней стороны после снятия заготовки с основы. Имеются случаи усиления дна и с внешней стороны. После формовки отпечатки текстиля и оттиски орнаментальных композиций зачастую уничтожались: замазывались слоем глины для выравнивания толщины стенок, замывались.

По данным этнографии, близкий описанному способ формовки керамики наблюдался Е. М. Пещеревой для женского гончарства Припамирского района⁶. Здесь нижние части новых сосудов формовались на перевернутых вверх дном старых. Сосуд-основа также покрывался влажной тканью. Дно и придонная часть формовались из одного куска глины, но остальная часть сосуда достраивалась из тонких глиняных валиков уже после снятия заготовки с основы.

Проведенное картографирование памятников эпохи бронзы с керамикой, имеющей на внутренней стороне отпечатки текстиля и оттиски орнаментации сосудов-основ, выявило достаточно четкий район их распространения. На востоке он ограничен верхним течением р. Ишим, на западе — бассейном р. Урал, на севере — северными районами Челябинской и Курганской областей, на юге — пограничными районами между Северным и Центральным Казахстаном. В Центральном Казахстане нам известны лишь одиночные случаи находок сосудов с отпечатками текстиля на керамике в материалах поселений Атасу и Каркаралинское⁷. Всего учтено 50 памятников. Их культурная принадлежность определена авторами раскопок как алакульская, абашевско-алакульская, срубно-алакульская⁸. Особо необходимо отметить наличие следов использования «матерчатого шаблона» в керамике кургана 25 Ново-Кумакского могильника — опорного памятника новокумакского хронологического горизонта, выделенного К. Ф. Смирновым и Е. Е. Кузьминой⁹.

Единство традиций гончарства памятников петровского типа Северного Казахстана, Южного Зауралья и памятников с керамикой, близкой сосудам из кургана 25 Ново-Кумакского могильника, отражает их культурную близость и ранний этап истории алакульских племен Северного Казахстана, Южного

Зауралья, Южного Приуралья, завершившийся оформлением памятников собственно алакульского круга (с керамикой типа Алакульского могильника), где эти традиции продолжают существовать. Корни их следует, на наш взгляд, искать в культуре энеолитического населения. Использование тканей растительного происхождения при формообразовании сосудов зафиксировано на значительном количестве фрагментов керамики энеолитического поселения Ботай 1 в Кокчетавской области¹⁰. Широко представлена керамика с отпечатками тканей на поселениях эпохи ранней бронзы по рекам Ишим и Иртыш¹¹. Около 80% вишневской керамики эпохи ранней бронзы Северного Казахстана также имеют текстильные отпечатки¹².

На керамике энеолитического поселения Ботай 1 отпечатки текстиля фиксируются лишь с внешней стороны, в эпоху ранней бронзы — как с внешней, так и с внутренней. На ранне-алакульской и собственно алакульской керамике — только с внутренней стороны. Закономерно видеть в звеньях этой цепи проявление развивающегося на протяжении ряда столетий способа формообразования глиняной посуды.

Полное отсутствие в литературе упоминаний о следах этой традиции в керамике культуры многоваликовой керамики, срубной, абашевской¹³ культурно-исторических общностей ставит под сомнение значительность ее влияния на формирование алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана, во всяком случае, на традиции алакульского гончарства.

¹⁰ Зайберг В. Ф. Исследования в Северном Казахстане. — АО — 1980, М., 1981, с. 436.

¹¹ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Материалы совещания 25—31 мая 1970 года. Томск, 1970, с. 19; Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977, с. 110, 111; Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище. — В кн.: Вопросы археологии Урала, вып. 8. Свердловск, 1969, с. 116—117.

¹² Зайберг В. Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим. — КСИА, вып. 134. М., 1973, с. 106—113; Зданович Г. Б. Указ. раб., с. 15.

¹³ Прякин А. Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, с. 156—160.

⁶ Пещерева Е. М. Гончарное производство в Средней Азии. — Труды Института этнографии АН СССР, вып. 42. М., 1959, с. 28, 29.

⁷ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. И. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 258, 262.

⁸ Потемкина Т. М. Указ. раб., с. 8; Стоколос В. С. Культура населения Южного Зауралья в эпоху бронзы (хронология и периодизация). М., 1972, с. 11; Сальников К. В. Указ. раб., с. 67; Зданович Г. Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. — Автореф. канд. дис., М., 1975, с. 15.

⁹ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977, с. 34.

О ВРЕМЕНИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОГИЛЬНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ПРИУРАЛЬЕ

Если исходить из количества выявленных и исследованных к настоящему времени памятников, то эпоха раннего железа в лесостепном Приуралье оказывается в основном представленной поселениями и могильниками пьяноборской (чегандинской) и карабызской культур. Так, одних только могильников в камско-бельском бассейне сейчас известно: пьяноборских — 17, карабызских — 8 (рис. 1). Многие из них изучены полностью или почти полностью. Это могильники Чеганда II и Ныргында I (раскопки В. Ф. Генинга), Ныргында II (раскопки В. Ф. Генинга, Р. Д. Голдиной, Л. А. Ашихминой), Юлдашевский и Биктимировский I (А. Х. Пшеничнюк), Камышлы-Тамакский и Кушулевский III (Н. А. Мажитов, Б. Б. Агеев), Сасыкульский (С. М. Васюткин, В. К. Калинин). Накопленный в результате этих исследований материал позволяет сейчас более обоснованно решать вопросы хронологии и духовной культуры оседлого населения Приуралья эпохи раннего железа.

К сожалению, иная картина наблюдается пока в области изучения экономики и хозяйственной деятельности пьяноборских и карабызских племен, источниковедческой базой для которого, как известно, в первую очередь, являются материалы раскопок поселений. Практически, из 110 известных пьяноборских и карабызских поселений, мы имеем одно наиболее исследованное — городище Чеганда I¹. На мой взгляд, в этом — одна из главных причин слабой аргументации постулируемого в ряде работ тезиса о комплексном хозяйстве пьяноборцев и карабызцев, «ведущими отраслями которого были земледелие и скотоводство»². Против наличия у пьяноборцев и карабызцев развитого скотоводства возразить невозможно. Об этом говорит и обилие остеологического материала на поселениях, среди которого кости домашних животных занимают ведущее место, и расположение поселений на краях заливной поймы, которая и по сей день служит основной кормовой базой местных колхозов.

Более того, анализируя состав карабызского стада, где мелкий рогатый скот и лошади вместе взятые в среднем составляют 79%, А. Х. Пшеничнюк предполагает наличие определен-

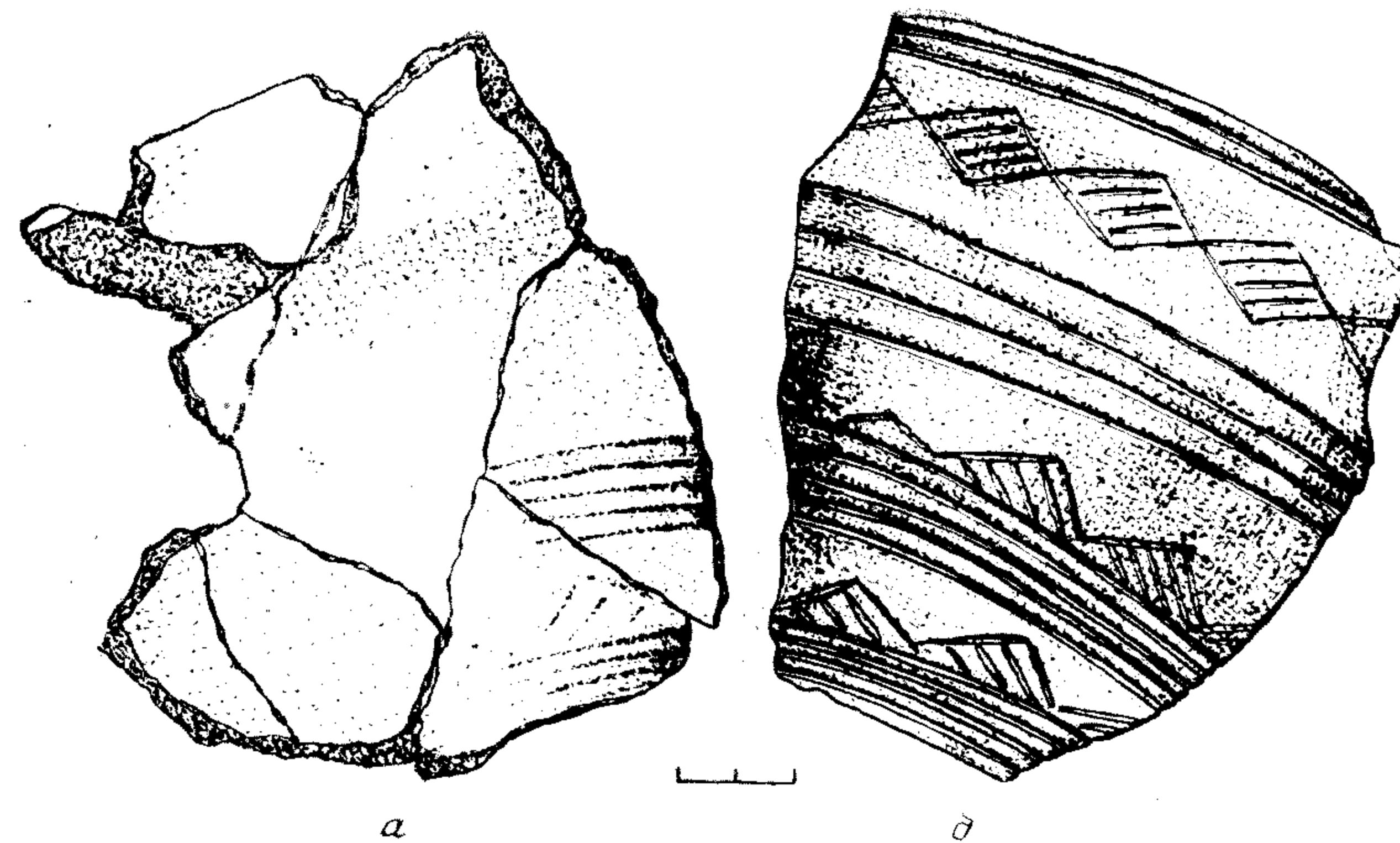

Рис. 1. Следы формовки керамики на сосудах-основах. Поселение Кулевчи III, постройка 4:
а — вновь сформованный сосуд; б — сосуд-основа

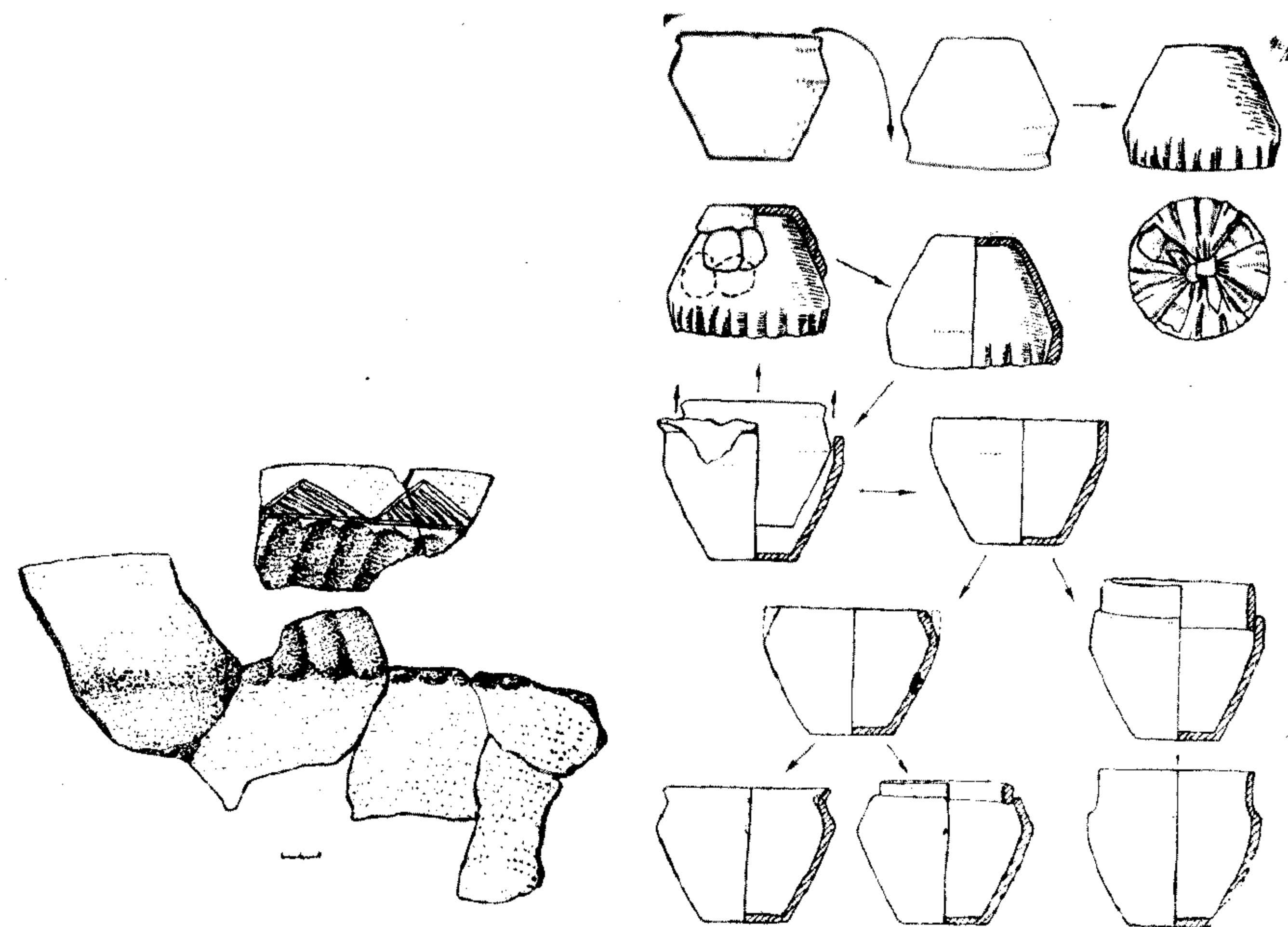

Рис. 2. Следы технологических операций. Алакульский могильник. Сосуд из погребения 2 кургана 13

Рис. 3. Схема формовки раннеалакульских (петровских) и собственно алакульских сосудов

¹ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II. ВАУ, вып. 11. Свердловск — Ижевск, 1971, с. 35—83.

² Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. ВАУ, вып. 10. Свердловск — Ижевск, 1970, с. 94; Пшеничнюк А. Х. Карабызская культура, АЭБ, т. V. Уфа, 1973, с. 210.